

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 459–468

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 459–468
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-459-468>, EDN: CZDRYU

Научная статья
УДК [94(410.11/.12):[616-036.22:616.9]]|1348/1351|

Средневековый Лондон в период эпидемии чумы (1348–1351): некоторые аспекты социальной жизни

Д. В. Лештаев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Лештаев Дмитрий Валерьевич, аспирант, ассистент кафедры всеобщей истории, d-Leshtaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4435-4102>, Author ID: 1179146

Аннотация. В статье на материале документации лондонского магистрата рассматриваются отдельные аспекты социальной жизни города в период эпидемии чумы (1348–1351). Показано, что наиболее сильный удар «Черная смерть» нанесла по столичным цехам, лишив их рабочих рук и временно дезорганизовав производство, что сказалось как на качестве выпускаемой продукции, так и на отношениях внутри торгово-ремесленных корпораций, способствуя их дальнейшему упадку. Будучи не в состоянии совладать с ростом социальной активности подмастеров, учеников и слуг, мастера были вынуждены апеллировать к авторитету городской администрации, требуя от нее подтверждения ранее установленных ограничительных мер. Другой важной стороной повседневной жизни Лондона стало преодоление таких последствий кризиса, как рост преступности и восстановление пошатнувшихся общественных нравов, борьба с которыми также велась посредством попыток большей регламентации и запретов. Тем не менее ощутимого результата меры эти не принесли.

Ключевые слова: Лондон, «Черная смерть», эпидемия, повседневная жизнь, установления и прокламации, заработная плата и цены, разложение цеховой организации

Для цитирования: Лештаев Д. В. Средневековый Лондон в период эпидемии чумы (1348–1351): некоторые аспекты социальной жизни // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 459–468. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-459-468>, EDN: CZDRYU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

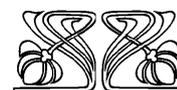
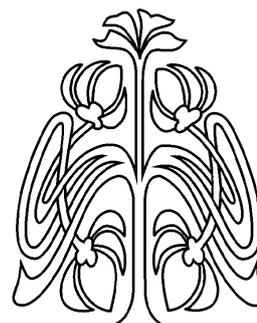
Medieval London during the plague (1348–1351): Some aspects of social life

D. V. Leshtaev

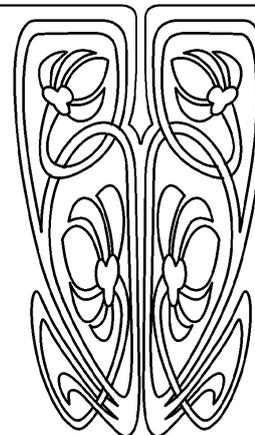
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Dmitry V. Leshtaev, d-Leshtaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4435-4102>, AuthorID: 1179146

Abstract. The article examines certain aspects of the social life of the City during the period of the plague (1348–1351) based on the documentation of the London Magistrate. It is shown that the Black Death dealt the most severe blow to the capital's guilds, depriving them of workers and temporarily disorganizing production, which affected both the quality of manufactured products and relations inside trade and craft corporations, contributing to their further decline. Being unable to cope with the growth of social activity of journeymen, apprentices and servants, the

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

masters were forced to appeal to the authority of the City administration, demanding from it the confirmation of previously established restrictive measures. Another important aspect of everyday life in London was overcoming such consequences of the crisis as the growth of crime and the restoration of shaken public mores, which were also fought through attempts at greater regulation and prohibitions. However, these measures did not bring tangible results.

Keywords: London, Black Death, epidemic, everyday life, ordinances and proclamations, wages and prices, decomposition of the guild organization

For citation: Leshtaeв D. V. Medieval London during the plague (1348–1351): Some aspects of social life. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 459–468 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-459-468>, EDN: CZDRYU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Английский городской социум XIV–XV вв., его профессиональная и повседневная жизнь неоднократно становились предметом интереса отечественной историографии, получив наиболее полное и обстоятельное рассмотрение в трудах Л. П. Репиной [1], М. М. Ябровой [2], А. Г. Праздниковой [3] и др. Не менее ценны и работы, посвященные отдельным городам и их сообществам, например, исследования Т. В. Мосолкиной [4–6] и Л. Н. Черновой [7, 8]. Из представителей зарубежной медиевистики необходимо отметить Г. А. Уильямса [9] и К. М. Бэррон [10, 11], рассматривающих развитие городского социума в контексте истории Лондона, а также ряд общих работ, посвященных прошлому английской столицы [12–14].

И все же, несмотря на столь пристальное внимание со стороны специалистов, проблема адаптации средневекового городского сообщества к условиям эпидемии, известной как «Черная смерть», по-прежнему остается малоизученной и ограничивается некоторыми отрывочными данными, а также выводами о потерях и влиянии чумы на дальнейшее развитие города. При этом ни в одной из известных работ по истории Лондона еще не предпринималось попыток рассмотрения конкретных аспектов социальной жизни английской столицы в условиях эпидемии, в частности, выявления и характеристики общественных и экономических процессов, охвативших столицу во время Великого мора, степени его влияния на их течение и реконструкции фрагментов повседневной жизни.

К середине XIV в. Лондон прочно утвердился в качестве важнейшего экономического и политического центра страны: здесь располагались королевский двор, администрация и парламент, резиденция примаса английской католической церкви архиепископа Кентерберийского, постоянные места проживания множества иных духовных и светских иерархов [15, р. 215]. Значимость города подтверждал и широчайший перечень муниципальных свобод, в частности, право беспощинной торговли на всей территории королевства. Наконец, само название столицы (*City of London*) подчеркивало ее превосходство над прочими городами Англии, как правило, именовавшимися в официальных документах *town* [16, с. 319–320]. Возникший на пересечении водных и сухопутных торговых

артерий город становился местом притяжения и для многочисленных переселенцев, прибывавших с различными целями не только из ближайшей округи, но и зарубежных стран [8, с. 40–41]. Потому кажется вполне оправданным не просто называть его «мегаполисом Средневековья», но и считать таковым в действительности.

Важнейшим показателем значимости Лондона могла бы стать численность его населения к началу XIV в., однако мы не располагаем сколько-нибудь точными данными относительно количества жителей столицы вплоть до конца XIII столетия. Не в силах исправить положение и знаменитая «Книга Страшного суда», составленная по итогам всеанглийской земельной переписи 1086 г., поскольку попросту обходит город вниманием [17, с. 72–74]. Так или иначе, в вопросе об общей оценке числа жителей Лондона в научной литературе сложился своеобразный консенсус: оно признается однозначно высоким для своего времени при том, что в области конкретных цифр сохраняется известная полярность мнений. На сегодняшний день принято считать, что уже к 1300 г. все население английской столицы насчитывало 80–100 тыс. чел. [10, р. 396; 12, с. 31; 14, с. 48], хотя не менее убедительны и те, кто заявляет о 40–60 тыс. [9, р. 315; 15, р. 215; 18, с. 88].

Начиная с XIII в., Англия переживала постепенный процесс перехода от натурального производительного хозяйства к товарно-денежному. Общее усиление централизаторских начал и укрепление институтов городского самоуправления позитивно влияли на развитие ремесел и торговли, особенно производство и сбыт шерсти, укрепляя общий внутренний рынок. Тем острее сказывалась на состоянии английской экономики затяжная Эдвардианская война (1337–1360), требовавшая все больших материальных и людских ресурсов. Порожденные ею падение прироста населения, общее понижение уровня жизни и нехватка рабочих рук выливались в усиление налогового и феодального бремени, значительно повышавшего градус народного недовольства [19, с. 104]. В этих условиях чуме предстояло взять на себя роль катализатора намечающихся перемен, хотя ее влияние на эти процессы было опосредованным.

В Европу «Черная смерть» проникла в 1347 г. через портовые города Италии и юга Франции,

а уже летом 1348 г. на гасконских кораблях достигла берегов Туманного Альбиона. К осени 1348 г. мор овладел такими важными торговыми центрами, как Бристоль на западе и Саутгемптон на юге [20, с. 196]. Отсюда, а также с товарами, поступавшими по Темзе, болезнь и попала в город. Хотя Л. П. Репина полагает, что это произошло в сентябре [20, с. 196], имеется достоверное свидетельство современника описываемых событий, английского хрониста Роберта из Эйвсбери (ум. 1359), указывавшего, что чума пришла в Лондон в ноябре 1348 г. и продолжала свирепствовать по май 1349 г. Выявление более или менее точных сроков эпидемии становится возможным благодаря их привязке к церковным праздникам. Автор отмечает, что болезнь впервые проявилась в столице накануне Дня Всех святых (1 ноября) и покинула ее лишь «с нисхождением благодати Святого Духа», в день Пятидесятницы (31 мая) [21, р. 65].

Первой реакцией города на эпидемию стали его людские потери, число которых слабо поддается исчислению, однако устанавливается в пределах 40–50% [11, р. 239; 12, с. 31; 13, с. 235; 14, с. 49; 15, р. 215]. В частности, К. Бэррон утверждает, что к 1400 г. население Лондона составляло половину от уровня 1300 г., т. е., исходя из ее же оценок, 40–50 тыс. человек [10, р. 397]. Известно, что за период 1348–1349 гг. в городе умерли 8 из 24 олдерменов [22, р. 161]. Немало погибших было среди представителей клира: францисканцы лишились 100 своих братьев, а бенедиктинское Вестминстерское аббатство – аббата и половины монахов [15, р. 215; 22, р. 128]. Столь же значительными были и потери отдельных гильдий, например, бакалейщики лишились 12 из 35 своих членов [22, р. 97].

Косвенные свидетельства высокой численности потерь встречаются и в синхронных источниках. Например, тот же Роберт из Эйвсбери упоминал, что только за период с февраля по апрель 1349 г. (со Дня Сретения Господня до Пасхи) в городе ежедневно хоронили более 200 чел. [21, р. 65]. Не менее красноречиво, хотя и не столь конкретно, послание лондонского муниципалитета папе римскому Клименту VI (1342–1352) от 2 апреля 1350 г., в котором упоминается, что людские потери столичной общины были столь «ужасающими» (*dreadful*), что теперь ни один из ее членов не мог явиться в Авиньон, не понеся «разорительных расходов» (*ruinous expense*) [23, р. 252].

Безусловно, чума вызвала живой отклик со стороны горожан. Однако эта ее сторона практически не нашла отражения в документах лондонского магистрата, не считая нескольких упоминаний о поветрии. В этой связи может сложиться ложное впечатление, будто Лондон перенес эпидемию сравнительно легко, фактически «не заметив» ее. С другой стороны, номенклатура

известных за 1348–1349 гг. документов (2 гильдейских установления и 2 судебных решения) если не свидетельствует, то, по крайней мере, подталкивает к мысли о возможных перебоях в работе столичной администрации.

Ситуация прояснится, если мы обратимся непосредственно к текстам, расширив хронологические рамки до 1348–1351 гг. Из общего числа актов (20), заметная часть (13) приходится на 1350 г. Если оценивать их тематику, то окажется, что одной из наиболее насущных забот городских властей в этот период было противодействие повсеместным нарушениям цехового законодательства. За 4 года издано 9 различных актов, направленных на борьбу с возмутителями гильдейского спокойствия, из них: 4 установления конкретным цехам (1348 г. – оловящикам [24], 1349 г. – перчаточникам [25], 1350 г. – стригальщикам и полировщикам [26, 27]); 4 судебных приговора о конфискации и утилизации контрафактных товаров (1349 г. – сетей [28], 1350 г. – перчаток, ремней и сумок [29], солонок и оловянных кружек [30], подушек, покрывал и банкетов [31]) и один уставной «Регламент» (1350), вводивший в столице фиксированные цены и размеры оплаты труда [32].

Отличительная черта гильдейских установлений состояла в том, что основная их часть была выработана и представлена на рассмотрении муниципальных властей самими мастерами, что свидетельствовало об их стремлении сохранить за собой исключительное право на занятия тем или иным ремеслом. Исключение (но лишь частичное) составляли установления, предназначенные стригальщикам, основной причиной появления которых, как следует из текста документа, явились общественный резонанс и большие убытки, вызванные срывом всех возможных сроков поставки сырья [26, р. 247]. Здесь же определялось, что вина за произошедшее целиком лежит на самой гильдии, не сумевшей в должном образе организовать свою работу, в частности, избрать или назначить контролеров (*overseers*), ответственных за ее выполнение. Посему, как декларировалось в вводной части, магистрат считает нужным представить на рассмотрение цеха указанные установления, впрочем, оставляя за ним право отвергнуть их [26, р. 247]. Последнего, по понятным причинам, не произошло, поскольку и сами ремесленники были заинтересованы в скорейшем возвращении к организованной работе. От них же, очевидно, исходила и инициатива составления этого документа, поскольку прописанные в нем меры носили в основном запретительный характер.

Из перечня становится понятно, что одной из основных проблем для мастеров стало вторжение в их профессию лиц, не являвшихся официальными членами гильдии и, таким образом, не имевших законного права на ведение аналогичной деятельности. Хорошо известно,

что данная проблема занимала их и в прежние времена, однако «Черная смерть», внесшая в систему организации производства элемент хаоса, могла заметно ее актуализировать.

Очевидно, значительная часть «самозванцев» не являлась жителями Лондона и прибывала в город из окрестностей. Об этом дают повод говорить статьи установлений, непосредственно обращенные против всякого, кто не является полноправным горожанином (*freeman of the City*) либо не прожил в столице «по меньшей мере, семи лет» [24, р. 242; 25, р. 245; 26, р. 247; 27, р. 258]. Такому человеку (источники именуют его «чужеземцем» – *foreigner, stranger* либо *strangeman*) категорически запрещалось держать лавки и набирать учеников [24, р. 242; 26, р. 247; 27, р. 258]. Выходом для него могло бы стать приобретение свидетельства о профессиональном соответствии, однако, учитывая, что выдавалось оно только специальными должностными лицами – смотрителями в торговле (*Wardens of the trade*), получение такого документа становилось практически невозможным. За ними же оставалось и право предоставления городского гражданства (а вместе с ним и полноправия) [25, р. 245; 26, р. 247; 27, р. 258], хотя отдельные цехи находили возможность вмешиваться и в эту сферу компетенций смотрителей. Так, полировщики, признавая их полномочия, тем не менее отказывались принимать новых мастеров, если те не проходили процедуру подтверждения профессиональных умений и навыков перед собранием мэра и олдерменов [27, р. 259].

Не меньшую заботу городских властей вызывали взаимоотношения гильдейцев с их подопечными – подмастерьями и слугами (*servant-man*). Поясним, что в XIV–XV вв. грань между различными категориями цеховых зависимых лиц оставалась еще весьма размытой. В первую очередь об этом свидетельствует терминология тех лет: например, те же подмастерья или наемные работники могли именоваться в официальных документах *servaunt, serviencium* или *servaunt* (т. е. *слуги* или *слуга*) [5, с. 115–116]. Более того, как указывает М. М. Яброва, названные группы были настолько близки по своему положению, что едва ли не единственным их различием оставалась перспектива подмастерья стать мастером, хотя и она приобретала в указанное время все более туманные формы [2, с. 80].

Вышесказанное обязывает напомнить, что XIV–XV вв. – это время разложения прежней системы социально-профессиональной организации средневекового города, а также формирования в нем зачаточных форм капиталистического производства, отличительными признаками которого становились как рост внутренней напряженности в цехах, так и открытое внешнее противостояние друг другу [2, с. 53–82]. Именно это, а также, возможно, и тяжелая демографическая ситуация привели, с одной стороны, к учащению

случаев переманивания трудоспособной молодежи (в том числе и лицами, занимавшимися тем или иным ремеслом незаконно) [25, р. 245, 246; 26, р. 247; 27, р. 258]; с другой – к ее большей консолидации в борьбе за собственные права. Например, установления стригальщикам прямо отмечают факты подстрекательства к коллективным бойкотам в ответ на конфликт между конкретным мастером и «его человеком» [26, р. 247–248].

В связи с этим столичный муниципалитет еще раз подтверждал право гильдии на собственный суд, возлагая разрешение споров между стригальщиками на самих тяжущихся ремесленников, а между мастером и зависимым от него лицом – на упомянутых смотрителей [26, р. 248]. При этом магистрат сохранял привилегию высшего арбитража. Апеллировать к суду мэра и олдерменов следовало либо в случае невозможности достижения мирового соглашения между мастерами в вопросе о перебежавшем подмастерье, либо в ситуации, когда последний не являлся на суд смотрителей – тогда он подвергался аресту, а его дело передавалось на рассмотрение суда мэра, выносившего окончательное решение [26, р. 248]. Другими способами наказания становились денежные штрафы (полмарки за переманенного ученика или слугу у стригальщиков, 20 шиллингов у перчаточников и 40 шиллингов за перебежавшего слугу у полировщиков [25, р. 245; 26, р. 247; 27, р. 258]), а также запрет принимать на работу подмастерий, находившихся в ссоре с прежними мастерами (такая мера позднее действовала у литейщиков (1389) и медников (1416)) [33, с. 61].

Аналогично развивалась ситуация и в других английских городах, например, в Бристоле, где сукновалы еще в 1346 г. постановили, что никакой работник (*ouerour*), нанесящий мастеру материальный или иной ущерб, не мог быть вновь принят на работу (в том числе и другим ремесленником), пока не возместит причиненные убытки [5, с. 116]. В конце XIV в. мера, схожая с лондонской, была принята на вооружение и местными ткачами, запрещавшими брать на работу слуг, находящихся под судом либо связанных обязательствами с третьими лицами [5, с. 117].

Помимо смены мастера или вступления с ним в открытый конфликт, для подмастерий и учеников существовал и третий путь профессиональной самореализации – бегство из Лондона в поисках лучшей доли в других городах. Вспомним, что еще одним ярким признаком разложения цеха становилось его «замыкание», выражавшееся, в частности, в увеличении сроков обучения: например, у шорников к рассматриваемому времени он составлял 7 лет, у портных – 8, а у торговцев сукном – все 12 [16, с. 327]. В связи с этим известно более чем о 35 обращениях столичного магистрата к властям иных городов

с просьбой содействовать в возвращении беглецов [16, с. 327]. И хотя запросы эти, как правило, удовлетворялись, едва ли их исполнение могло серьезным образом сказаться на масштабах движения.

Вероятным следствием нехватки рабочих рук, а вместе с тем и способом восполнения потерь в рабочей силе стал рост числа неквалифицированных и неучтенных работников. Вот почему оловянщики требовали набирать учеников только в соответствии с действовавшими нормами («обычаями города»), а также запретить привлекать к их ремеслу людей, не имеющих опыта, и отстранить от работы всех подмастерий и слуг, не приносивших гильдейской клятвы [24, р. 242, 244]. Те же условия устанавливали и полировщики, введшие в этой связи самую жесткую кару: мастер, в течение первого года не поставивший ученика на учет, лишался городского гражданства [27, р. 258].

С активизацией слуг и подмастерий связаны и меры, направленные против воровства. Так, установления оловянщикам определяли, что мера наказания за содеянное должна носить градационный характер: подмастерье, обокравший мастера на сумму менее 10 пенсов, в первый раз обязывался возместить ущерб, во второй – передавался на суд гильдии, в третий – изгонялся из нее [24, р. 243]. Суровее были перчаточники: обворовавший хозяина более чем на 12 пенсов слуга должен был предстать перед судом смотрителей. На них же цех возлагал и компенсацию убытков. В случае, если преступник не являлся на разбирательство, процедура предусматривала меру, аналогичную описанной у стригальщиков [27, р. 258].

Еще одним важным свидетельством роста спроса на рабочие руки и социальной нестабильности в столице стали требования мастеров ограничить размеры заработной платы для подмастерий и слуг. Показательна в этом отношении анонимная петиция, поданная одним из стригальщиков и являющаяся собой важный пример обратной связи между цехами и магистратом. Полностью поддерживая начинания «отцов города» и признавая, что его коллеги «действительно довольны» предложенными мерами [34, р. 250–251], он в то же время сетует на размеры заработной платы слуг и подмастерий, давая понять, что она значительно возросла. В связи с этим мастер напоминает, во сколько ранее оценивался труд его подопечных, и требует возвращения к старым расценкам: от Рождества до Пасхи – 3 пенса, от Пасхи до дня Св. Иоанна (24 июня) – 4 пенса, со дня Св. Иоанна до дня Св. Варфоломея (24 августа) – 3 пенса, со дня Св. Варфоломея до Рождества (в случае хорошей работы) – 4 пенса [34, р. 251]. Более того, он позиционирует это как способ наказания неопытных подмастерий и слуг, заявляя, что именно они, стремящиеся заработать как можно

больше и как можно скорее, портят ткани, нанося тем самым большой ущерб не только заказчикам, но и гильдии, «по причине чего мастера в упомянутой профессии имеют большое порицание и оскорбление, и берут меньше [заказов], чем они привыкли выполнять» [34, р. 251]. Потому, завершает он, цех просит муниципалитет наказать нерадивых «указанных людей» и принудить их «работать в соответствии с древним обычаем» [34, р. 251].

Однако если стригальщики уповали в этом вопросе на городские власти (что, вероятно, объяснялось их тяжелым положением), то перчаточники сами зафиксировали в тексте предлагаемых установлений, что никто не может брать за свою работу больше, чем было установлено за 2–3 года до принятия данного документа [25, р. 246].

Как видно, среди прочего мастера волновала и проблема роста некачественной контрафактной продукции (номенклатура отдельных товаров приводилась выше). Ей также уделялось важное место в текстах установлений, хотя нередко в числе изготовителей контрафакта оказывались не одни подмастерья, но и сами ремесленники, в чем также угадываются элементы разложения цеховой организации. Об этом свидетельствуют запреты на изготовление и сбыт товаров на дому и в ночное время, а также угроза ареста и суда для мастеров, отказывающихся соблюдать предлагаемые нормы [24, р. 243, 246–247; 25, р. 246; 27, р. 259]. Например, у оловянщиков суровость наказания традиционно возрастала по мере повторения таких случаев: в первый раз дело ограничивалось изъятием контрафакта, во второй – повторной конфискацией и разбирательством в суде, в третий – исключением из гильдии [24, р. 243]. Отдельно оговаривалась кара за попытку сбыта: лицо, пытавшееся реализовать свою продукцию прежде, чем она прошла процедуру отбора, привлекалось к судебной ответственности [24, р. 243]. Жестче поступали полировщики: преступление сразу наказывалось арестом с последующим разбирательством, вину на котором устанавливало жюри из мастеров цеха [27, р. 258]. Вместе с тем нельзя не отметить, что уже к концу столетия отношение к труду в ночное время кардинальным образом изменилось. Вновь показателен пример Бристоль: если в 1346 г. местные ткачи устанавливали категорический запрет на ведение какой-либо работы в темное время суток, то уже в 1406 г. сукновалы, напротив, оговаривали, что «слуги должны приступать к делу и подниматься к их названной работе так же хорошо ночью, как и днем...» [5, с. 103; 33, с. 61].

Не менее внимательны были гильдии и к борьбе за сохранение качества. Так, оловянщики, апеллируя к сложности работы со сплавами, просили муниципалитет признать за ними право избрать из своей среды трех или четырех «наиболее законопослушных и искусных в своем ремес-

ле» мастеров, которые бы осуществляли надзор за соблюдением стандарта. Необходимые пропорции были установлены здесь же: на 1 центнер олова приходилось 22 фунта свинца [24, р. 242]. Перчаточники и полировщики же определяли, что изъятие контрафактной продукции должно производиться зрителями, а вопрос о ее ответственности стандартам решаться присяжными из числа гильдейцев [25, р. 246; 27, р. 258–259]. Более того, полировщики вовсе запрещали брать крупные заказы мастерам, не владеющим своим ремеслом в совершенстве, а также изготавливать на дому рукояти, наверхия и ножны для мечей и использовать для них какой-либо материал, кроме хорошей стали и выделанной телячьей кожи. Отдельно оговаривались эпизоды сбыта изделий, подвергавшихся ремонту. Во всех случаях нарушителей ожидал суд [27, р. 259].

Что же до реакции городских властей, то она не ограничивалась только утверждением цеховых уставов. Тема регулятивных мер получила развитие в изданном в 1350 г. «Регламенте, касающемся оплаты труда и цен в городе», появление которого было напрямую связано с эпидемией чумы, упоминания о которой можно найти на его страницах [32, р. 256–257]. Документ устанавливал максимальные размеры стоимости товаров и услуг и содержал некоторые организационные положения. В частности, он фактически упразднял прежнее деление рабочего года на четыре части, вводя вместо него двухчастную систему (по полугодиям), и унифицировал стоимость услуг ряда мастеров (*workmen*). Так, для каменщиков, плотников, штукатуров и пильщиков (*sawiers*) она составила 6 пенсов в первом полугодии (от праздника Пасхи до дня Св. Михаила, 29 сентября) и 5 пенсов во втором [32, р. 253, 254]. Кроме того, «Регламент» запрещал им брать деньги в праздничные дни и требовать доплаты за изготовление или ремонт инструментов [32, р. 253]. В отдельные категории документ выделил плиточников и обмазчиков (*master daubers*), чей труд оценивался немногим меньше – в 5,5 и 4,5 пенса для первых и в 5 и 4 пенса для вторых. Здесь же оговаривались размеры вознаграждения для работников, получавших 3,5 и 3 пенса [32, р. 253–254]. Вероятно, они также доставляли своим мастерам немало хлопот.

Завершался этот раздел строгим наказом, обращенным уже к лондонцам: не платить больше, чем прописано в «Регламенте». Причем призыв этот не ограничивался лишь увещанием. Нарушителям грозили суровые кары: штраф в 40 пенсов для несознательного горожанина и 40-дневное заключение для поддавшегося соблазну ремесленника [32, р. 254].

Следует указать и на повышенное внимание магистрата к вопросу организации торговли продовольственными товарами и ее большей

прозрачности, что, вероятно, было вызвано нарушениями поставок продуктов питания и спекуляциями в этой сфере. В частности, «Регламент» устанавливал фиксированные цены для пяти различных сортов вина, а также обязывал продавцов удовлетворять требование клиента, если тот желал удостовериться в чистоте стеклянной тары либо бочки, из которой вино разливалось. За отказ от выполнения этой меры грозил штраф в полмарки, увеличивавшийся на аналогичную сумму всякий раз, как отмечался рецидив [32, р. 255].

Не менее строгие меры предъявлялись к продаже пшеницы и ячменя. Торговля ими должна была осуществляться только непосредственными поставщиками и только в специально отведенных для этого местах – нарушителей ожидали конфискация и тюремное заключение, длительность которого определялась по усмотрению мэра и олдерменов [32, р. 255–256]. Товар следовало отпускать всем горожанам, но в первую очередь пекарям. Отдельно оговаривались условия продажи для владельцев гостиниц: они не могли осуществлять закупки для кого бы то ни было, кроме собственных постоялых дворов, и обязывались рассчитываться только личными средствами [32, р. 256].

Очевидно, во время эпидемии гостиницы Лондона и до того, надо полагать, не пользовавшиеся доброй славой, окончательно превратились в рассадники преступности. Об этом свидетельствует не только параграф о торговле злаковыми (вероятно, хозяева гостиниц были неким образом замешаны в спекуляциях), но и специальное положение, посвященное постоялым дворам. Муниципалитет прямо указывал на необходимость «хорошего и законного» обслуживания гостей, дабы те могли быть уверены в сохранности «как тела, так и имущества» [32, р. 256].

Завершая тему преступности, следует отметить, что «Регламент» уделял внимание и мерам профилактики, правда, незначительное: отдельный параграф предписывал удалять из приходов лиц, пользующихся дурной репутацией, предварительно уведомив об этом местного олдермена [32, р. 256].

В заключительной части документа, городские власти, наконец, обращаются к теме, столь волновавшей автора анонимной петиции, – проблеме расценки труда работников и слуг. Им предписывалось выплачивать то же жалование, что и до чумы [32, р. 257], в противном случае нарушителей ожидало наказание. Обязательным для тех и других становилось тюремное заключение, дальнейшая же их участь кардинальным образом различалась. Так, мастер (*workman*) или его работник (*labourer*) пребывали под стражей до тех пор, пока не находили поручителя, а затем, дав клятву не нарушать установленного правила, возвращались к работе [32, р. 256–257]. Если же они намеренно покидали город,

«не желая работать и трудиться» (вероятно, отправляясь на поиски более высокого заработка), а затем возвращались и обнаруживались властями, то наказание их ужесточалось: 3 месяца ареста с конфискацией движимого имущества. За этот срок им вновь вменялось разыскать поручителя и принести клятву, в противном случае нарушителей ожидало изгнание [32, р. 257]. В то же время слуги (*servants*) обязывались выплатить сумму, вдвое превышающую размеры полученной. Аналогичная мера распространялась и на их хозяев, только в этом случае размер штрафа увеличивался уже втрое [32, р. 257].

Перечисленные меры стали прямым продолжением государственной политики, направленной на преодоление последствий тяжелого экономического кризиса. В масштабах страны, как известно, ее выражением стало так называемое «рабочее законодательство» Эдуарда III (1327–1377), призванное закрепить крестьян и работников за местом их проживания и родом деятельности, а также зафиксировать минимальные размеры оплаты труда [35]. Аналогичную роль в масштабах столицы играл «Регламент».

После ознакомления с перечисленными положениями возникает вопрос о механизмах контроля за их выполнением. Ответ на него содержит завершающий параграф все того же документа. Соответствующие полномочия лондонский магистрат возлагал на уже неоднократно упоминавшихся смотрителей, избравшихся в каждом городском приходе в количестве двух или четырех человек [32, р. 257]. Располагая реальными полномочиями и действуя с санкции мэра и олдерменов, они могли проводить конфискацию товаров или иного имущества нарушителя, привлекая в случае необходимости представителей государственной администрации (шерифа или его офицеров). Платой за их работу становилась третья часть изъятого. Оставшее шло в распоряжение городской общины с выделением некоторой доли для шерифа, если он или его люди участвовали в операции. Последний, впрочем, в любом случае не оставался обделенным, поскольку право фирмы (*ferm*)¹ обеспечивало ему получение постоянной фиксированной выплаты, средства на которую должны были изыскать смотрители [32, р. 257]. Дополнительной гарантией соблюдения статей «Регламента» служил штраф в 40 шиллингов за их нарушение, а, кроме того, магистрат оставлял за собой право вносить в документ изменения «для общей выгоды, в соответствии с тем, как сложатся времена» [32, р. 257–258].

Картина повседневной жизни Лондона в период «Черной смерти» была бы неполной без обращения к документам, проливающим свет на неизменные заботы городских властей. Возвращаясь к делам судебным, отметим, что юрисдикция муниципалитета не ограничивалась только утилизацией контрафакта или разбором гиль-

дейских тяжб. До нас дошла пара примечательных записей о судебных разбирательствах 1348 и 1351 гг., свидетельствующих, что жизнь в городе не замирала даже в самые тяжелые годы.

В обоих случаях дело было связано с приобретением мяса. По первому из исков 6 мая 1348 г. перед судом мэра и олдерменов предстали некие Джон, сын Джона Гилессона из Рефхема, и Агнес, дочь или жена торговца скобяными изделиями. Вина их состояла в том, что они выставили на продажу тухлую свинину, чем угрожали жизни ничего не подозревавших покупателей и навлекли позор на магистрат [36, р. 240]. В ходе заседания, однако, было установлено, что главным виновником является Джон: он лишь хотел заработать, распродав по частям тушу найденной им ранее мертвой свиньи. В свою очередь, Агнес, ни о чем не догадываясь, купила у него злополучный кусок мяса, надеясь его перепродать. Действительно ли она не заметила признаков разложения либо заметила слишком поздно и решила избавиться от него – вопрос открытый. Тем не менее суд счел возможным оправдать женщину, признав ее одной из жертв Джона. Приговором ему стал позорный столб, кроме того, у ног преступника была сожжена снятая им с туши свиная кожа [36, р. 241].

Второе заседание по схожему делу состоялось 31 января 1351 г., но на сей раз обвинителем выступала уже не разгневанная общественность, а конкретное лицо. Некто Генри Пекши, желая угостить своих друзей, приобрел у повара Генри де Пасселью пару запеченных в тесте каплунов. Уже во время трапезы, почти расправившись с одной из птиц, компания обнаружила, что мясо ее было тухлым. Не желая мириться с обманом, Пекши подал против недобросовестного кулинара иск, предоставив вторую птицу в качестве доказательства. Вскрытая на судебном заседании, она была признана «гнилой и дурно пахнущей» [37, р. 266]. Де Пасселью, впрочем, отрицал какую-либо вину, настаивая, что на момент продажи мясо было свежим. Тогда сержанту было приказано доставить в суд 6 или 8 присяжных из числа заслуживающих доверия поваров, дабы те установили правоту слов подсудимого. Мнение экспертов оказалось не на стороне коллеги. В наказание повар был приговорен к позорному столбу, а на пути к месту осмеяния перед ним несли вскрытого на суде каплуна [37, р. 267].

Показательна обращающая на себя внимание обязательная для исполнения приговора процедура унижения осужденного, выражавшаяся в некоторых ритуальных действиях. Не акцентируя на ней излишнего внимания, отметим, что необходимость подобного объяснялась особой ролью наказаний в жизни средневекового и, в частности, городского социума – им отводилась функция «очищения от скверны» и «восстановления изначальной чистоты в отношении между людьми» [38, с. 354].

К числу аналогичных актов, проливающих свет на повседневные заботы лондонского магистрата в 1348–1351 гг., можно отнести также постановление об опеке над несовершеннолетней дочерью одного из олддерменов, доверенной после смерти обоих родителей ее старшему брату [39], прокламацию, запрещающую купание во рвах и Темзе близ Тауэра [40], две имущественные описи лавок и часовни на Лондонском мосту, составленные покидавшими свой пост местными смотрителями [41, 42], и др.

Особое внимание хотелось бы обратить на прокламацию 1351 г., содержащую строгие рекомендации относительно внешнего вида горожанок из незнатных сословий, а также приезжих [43]. Представляющий ценность уже самим фактом своего существования (хотя и не уникальный), этот документ стал отражением долгосрочных перемен в психологии английских сословий и, в частности, горожан.

Средневековье с его четкой регламентацией сословной принадлежности делало внешний вид человека едва ли ни важнейшим индикатором положения в обществе и материального благополучия. Отсюда любое стремление лиц, не принадлежавших к высшей страте, аналогичным образом подчеркнуть свой недостаток трактовалось как личное оскорбление и поспрашение моральных устоев. В особенности касалось это горожанок, занимавших в общественной иерархии тех лет промежуточное положение между благородными леди и женщинами из социальных низов, призванных служить воплощением бюргерского идеала «заботливой матери, послушной и верной жены, одновременно слуги и помощницы для своего мужа» [3, с. 101].

Сказанное подтверждает и настоящая прокламация. Прямо обвиняя горожанок Лондона в «непристойном» (*lewd*) поведении, она призывала их отказаться от провокационных элементов гардероба, в роли которых выступали изделия, отороченные беличьим, барсучьим, заячьим или кроличьим мехом, в пользу более скромных, но отражающих истинный социальный статус хозяйки одеяний, например, плащей, накидок или капюшонов без подкладки и внешней отделки [43, р. 267]. При этом, помимо рекомендательных, прокламация содержала и вполне конкретные меры недопущения дальнейших оскорблений «добропорядочных и благородных дам и девиц» (*good and noble dames and damsels*), обявывая жительниц столицы добровольно расстаться с неподобающим облачением до дня, следующего за праздником Св. Илария (13 января), в противном случае угрожая его конфискацией [43, р. 267].

Материалы последующего столетия свидетельствуют о полной несостоятельности подобной политики. Так, обращаясь к материалам Бристоля, мы увидим, что и в XV в. тенденция к самовыражению посредством недопустимого

гардероба сохранялась здесь в том числе и среди мужчин, в завещаниях которых то и дело упоминаются плащи всевозможной длины и расцветок, подбитые мехами или сукном [5, с. 190]. То же найдем в конце XV в. и в Йорке, где, несмотря на значительное сокращение населения, процветало перчаточное производство [33, с. 62]. Победить стремление к роскоши так и не удалось, в связи с чем Эдуард IV (1461–1470) вынужден был издать в 1463 г. специальный закон, определявший номенклатуру позволительных для ношения городским патрициатом мехов и нарядов, а некоторые муниципалитеты (все тот же Бристоль) даже вводили ограничения на количество денежных средств, которые их должностные лица имели право тратить на меха [5, с. 190].

Итак, период эпидемии стал для Лондона временем испытаний. Городу пришлось столкнуться с целым рядом негативных проявлений полномасштабного кризиса, одним из важнейших катализаторов которого была «Черная смерть», но тем не менее вызванного объективными изменениями в системе организации производства. Его непосредственными выражениями стали тотальная нехватка рабочих рук, усугублявшая и без того критическое положение цехов, причина которой могла крыться также в понесенных столицей людских потерях, повсеместное нарушение норм гильдейского законодательства, спекуляции, рост количества контрафактной продукции и уровня преступности, возможный продовольственный кризис. Не в силах совладать с ним, представители ремесленных и торговых цехов вынуждены были апеллировать к муниципальным властям, требуя их вмешательства и упорядочивания экономической жизни.

Ответом магистрата стало издание ряда специальных актов, позволявших регулировать как внешние, так и внутренние стороны торгово-ремесленной деятельности и общественных отношений, причем посредством не только декларативных, но и вполне конкретных мер. Начинания эти получили известную поддержку со стороны гильдий, что особенно заметно благодаря имеющимся свидетельствам обратной связи между ними и «отцами города».

Вместе с тем в Лондоне продолжалась и обычная жизнь. Магистрат по-прежнему издавал распоряжения и прокламации, выносил судебные решения, однако те глубокие социальные изменения, начало которым было положено в XIV в., уже не могли быть преодолены путем большей регламентации и запретительных мер.

Примечания

¹ Право фирмы (*firma*) – привилегия, пожалованная Лондону за 300 фунтов Хартией Генриха I и заключавшаяся в уплате муниципальными властями фиксированной денежной суммы в обмен на право взимать с горожан

произвольные поборы с их дальнейшим распределением на нужды столицы и ее жителей. Контроль за своевременным поступлением денежных средств возлагался на шерифа.

Список литературы

1. Репина Л. П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века. М. : Наука, 1979. 221 с.
2. Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе: (Лондон XIV – начала XVI века) / под ред. С. М. Стама. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1983. 230 с.
3. Праздников А. Г. Английский город XIV–XV веков: социальная структура и менталитет. Киров : Издательство Вятского государственного университета, 2007. 204 с.
4. Мосолкина Т. В. Город Бристоль в XIV–XV веках. Экономика, общественные отношения, социальная психология / под ред. С. М. Стама. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1997. 216 с.
5. Мосолкина Т. В. Социальная история Англии XIV–XVII вв. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 416 с.
6. Мосолкина Т. В. Преступность в английском средневековом городе в последней трети XV века (на материалах города Йорк) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 57–60. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2015-15-3-57-60>
7. Чернова Л. Н. Правящая элита Лондона XIV–XVI веков: олддермены в контексте экономической, социальной и политической практики. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2005. 440 с.
8. Чернова Л. Н. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 366 с.
9. Williams G. A. Medieval London: From Commune to Capital. London : University of London ; The Athlone Press, 1963. 377 p.
10. Barron C. M. London 1300–1540 // The Cambridge Urban History of Britain: in 3 vols. / gen. ed. P. Clark. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. Vol. 1. 600–1540 / ed. by D. M. Palliser. P. 395–440.
11. Barron C. M. London in the Late Middle Ages: Government and People 1200–1500. Oxford : Oxford University Press, 2004. 472 p.
12. Клаут Х. История Лондона / пер. с фр. Е. Д. Мурашкинцевой. М. : Весь Мир, 2002. 160 с.
13. Акройд П. Лондон: Биография / пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. М. : Издательство Ольги Морозовой, 2009. 896 с.
14. Дженкинс С. Краткая история Лондона / пер. с англ. Д. В. Борока. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. 480 с.
15. Byrne J. P. London, England // Byrne J. P. Encyclopedia of the Black Death. Santa Barbara, California ; Denver, Colorado ; London, England : ABC-CLIO, 2012. P. 215–216.
16. Чернова Л. Н. Лондон и города Англии в 1350–1370 гг.: социально-экономический аспект взаимоотношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 319–328. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-319-328>
17. Левицкий Я. А. Город и феодализм в Англии / отв. ред. Е. В. Гутнова. М. : Наука, 1987. 284 с.
18. Самаркин В. В. Историческая география Западной Европы в средние века. М. : Высшая школа, 1976. 248 с.
19. Мортон А. Л. История Англии / пер. с англ. Н. Чернявской. М. : Издательство иностранной литературы, 1950. 463 с.
20. Репина Л. П. Население городов // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. Т. 1 : Феномен средневекового урбанизма. М. : Наука, 1999. С. 169–213.
21. The Black Death/transl. and ed. by R. Horrox. Manchester ; New York : Manchester University Press, 1994. 354 p.
22. Byrne J. P. Daily life during the Black Death. Westport, Connecticut ; London : Greenwood Press, 2006. 326 p.
23. Petition addressed to Pope Clement the Sixth by the Mayor and Aldermen, that Brother John de Worthyn, and he only, may be empowered to grant absolution within the City // Memorials of London and London life, in the XIIIth, XIVth and XVth centuries. being a series of extracts, local, social and political, from the early archives of the City of London. A.D. 1276–1419 / sel., transl. and ed. by H. T. Riley. London : Longmans, Green, and Co., 1868 (далее – Memorials of London and London life). P. 251–252.
24. Ordinances of the Pewterers // Memorials of London and London life. P. 241–244.
25. Ordinances of the Glovers // Memorials of London and London life. P. 245–247.
26. Ordinances of the Shearmen // Memorials of London and London life. P. 247–248.
27. Articles of the Furbishers // Memorials of London and London life. P. 258–260.
28. False nets ordered to be burnt // Memorials of London and London life. P. 244–245.
29. False gloves, braels, and pouches, burnt in Chepe // Memorials of London and London life. P. 249–250.
30. False saltcellars and potels of pewter forfeited // Memorials of London and London life. P. 259–260.
31. False cushions, coverlet, and bankers, forfeited // Memorials of London and London life. P. 260.
32. Regulations as to wages and prices in the City // Memorials of London and London life. P. 253–258.
33. Мосолкина Т. В. Повседневная реальность Англии в художественной литературе и исторических источниках XIV–XV веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 58–63. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-58-63>
34. Petition of the Master Shearman, as to the scale of wages // Memorials of London and London life. P. 250–251.
35. Законы о рабочих 1349–1350 гг. / пер. Д. М. Петрушевского // Хрестоматия памятников феодального

- государства и права стран Европы / под ред. В. М. Ко-
рецкого. М. : Государственное издательство юридиче-
ской литературы, 1961. С. 262–270.
36. Punishment of the Pillory, for selling carrion // Memorials
of London and London life. P. 240–241.
37. Punishment of the Pillory, for selling a putrid capon //
Memorials of London and London life. P. 266–267.
38. Тогоева О. И. Казнь в средневековом городе: зрелище
и ритуал // Город в средневековой цивилизации Запад-
ной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. Т. 3 :
Человек внутри городских стен. Формы обществен-
ных связей. М. : Наука, 2000. С. 353–361.
39. Wardship of Isabel de Hakeneye; with Inventory of her
plate and jewels // Memorials of London and London life.
P. 248–249.
40. Proclamation against bathing in the Fosses, or the Thames,
near the Tower, on pain of death // Memorials of London
and London life. P. 260–261.
41. Inventory and valuation of stores belonging to the works
at London Bridge, delivered to the Wardens thereof by the
outgoing Wardens // Memorials of London and London
life. P. 261–262.
42. Inventory of articles in the Chapel on London Bridge,
delivered to the Wardens thereof by the outgoing
Wardens // Memorials of London and London life. P. 263–
264.
43. Proclamation as to the dress of common women within
the City; and as to the sale of fish // Memorials of London
and London life. P. 267–268.

Поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования 00.05.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 05.05.2023; approved after reviewing 00.05.2023; accepted for publication 30.06.2023